

Глава 31. Дар с небес?!

Линь Лан бросил взгляд на Ту И, который с каким-то странным рвением осушал чашку за чашкой.

— Ваше Высочество, вы часом не приболели? Что же вы воду так глушите?

От этого вопроса Пятый принц поперхнулся и судорожно закашлялся. Линь Лан тут же принялся услужливо похлопывать его по спине, а Ту Вэй, глядя на эту сцену, не упустил случая поддразнить брата:

— Надо же! Обычно наш пятый брат — образец благовоспитанности и утончённых манер, шагу лишнего не ступит. Что же на тебя сегодня нашло, откуда такая жажда?

Понимая, что Ту Вэй откровенно подтрунивает над братом, Линь Лан поспешил на выручку:

— Конфуций говаривал: «Кто из нас свят и безгрешен?» Пятый принц — такой же человек из плоти и крови, почему бы ему и не поперхнуться иной раз?

Ту Вэй лишь лукаво приподнял бровь:

— Что ж, А-Лан, твоя правда.

Ту И, заметив двусмысленный взгляд младшего брата, ощутил лёгкое замешательство. К счастью, Линь Лан, не обратив внимания на их безмолвную дуэль, вытащил из рукава чистый шёлковый платок и протянул его принцу. Тот молча принял подношение, утёр губы и негромко произнёс:

— Благодарю, А-Лан. Я верну его позже.

— Пустяки, — отмахнулся Линь Лан. — У меня их полно.

Ту И сдержанно кивнул, так и не уточнив, вернёт ли вещь на самом деле.

— Ах ты бездельник! Обещал отлучиться на минутку, а сам куда удрал?

Четырнадцатый принц Ту Ли, устав ждать возвращения друга, отправился на поиски и, изрядно поплутав по заснеженному саду, наконец набрёл на беседку.

— Пятый брат, одиннадцатый брат, — вежливо поклонился он старшим.

Те кивнули в ответ, и Ту Вэй широким жестом пригласил Четырнадцатого присесть, собственноручно налив ему чаю.

Линь Лан весело рассмеялся:

— Да я просто приметил Пятого принца и решил подойти поздороваться. К тому же вы там и без меня отлично веселились!

— У тебя ещё совесть есть такое говорить! — притворно возмутился Ту Ли. — Кто ныл, что вырос в нежном Цзяннани, в глаза не видел северных метелей и отродясь не играл в снежки? Мы, считай, из чистой милости вытащили тебя повеселиться, а ты взял и сбежал на полпути!

Линь Лан заискивающе прищурился и ласково похлопал разгорячённого принца по плечу, разминая тому затёкшие мышцы:

— Ну полно тебе, А-Ли, вы же и впрямь чудесно провели время!

Видя, с какой непринуждённой фамильярностью Линь Лан разминает плечи Четырнадцатому, Ту И отвёл взгляд и залпом осушил свою чашку. Наблюдательный Ту Вэй тут же с улыбкой подлил ему ещё горячего настоя.

— Не стоит благодарности, дорогой брат! — весело пропел он.

В ответ Ту И одарил его убийственным взглядом.

Ту Ли, поначалу благосклонно принимавший заботу Линь Лана, при этих словах резко развернулся:

— Ах ты!.. Да из-за тебя мы всякое приличие позабыли! Два принца и два отпрыска знатных фамилий, как мальчишки, скакали по сугробам, чтобы угодить твою милость! И тебе всё мало?!

— Виноват, каюсь, мой господин, — угодливо заулыбался Линь Лан. — Ну а снеговика-то вы долепили?

Ту Ли надменно фыркнул и отвернулся:

— Разумеется, долепили.

Линь Лан с улыбкой подался вперёд, заглядывая ему в лицо:

— Тогда пойдём поглядим?

От такой внезапной близости Ту Ли растерялся и качнулся назад, едва не завалившись на спину. К счастью, Ту Вэй вовремя подхватил его за локоть. Пробормотав слова благодарности брату, Четырнадцатый принц смущённо и зло воззрился на Линь Лана:

— Ты чего так близко лезешь?!

— Да я всегда так делаю, — невинно захопал глазами Линь Лан. Но стоило принцу открыть рот для гневной тирады, как юноша лукаво прищурился и протянул: — Или у тебя ушки от холода покраснели, а?

Ту Ли непроизвольно коснулся мочек ушей и, вспыхнув ещё сильнее, выпалил:

— Ты же хотел снеговика посмотреть! Идём живо! Пятый брат, Одиннадцатый брат, мы пойдём!

С этими словами он стремительно зашагал прочь, даже не оборачиваясь, идёт ли за ним Линь Лан.

— Ваше Высочество, Пятый принц, принц Одиннадцатый, я откланяюсь. До скорой встречи! — с улыбкой попрощался Линь Лан.

Ту Вэй тепло помахал ему рукой, а Ту И лишь сдержанно кивнул. Юноша бросился догонять надувшегося принца и без церемоний закинул руку ему на плечо. Ту Ли для приличия попытался стряхнуть его, но, поняв тщетность усилий, лишь обречённо вздохнул и примирился со своей участью.

Ту И ещё долго провожал взглядом удаляющуюся пару. Наконец Ту Вэй поднялся со своего места и слегка похлопал его по плечу:

— Пятый брат, они уже ушли.

Ту И сухо покашлял. Младший брат сочувственно покачал головой:

— Что-то ты сегодня разболелся. Неужто зимний сквозняк надул?

— Вовсе нет, — с ледяным спокойствием парировал Пятый принц. — Просто от твоих благовоний дышать нечем. Больно приторные.

Ту Вэй поперхнулся воздухом и лишился дара речи. Какие ещё благовония?! Это же тонкий

аромат пудры Сюэянь!

— А-Лан! Гляди скорее сюда! — радостно закричал Ван Шанпинь, едва завидев возвращающуюся компанию.

Линь Лан убрал руку с плеча принца и весело припустил к друзьям, оставив Ту Ли послушно плестись следом.

Кто бы мог подумать, что эти столичные франты, с виду совершенно не приспособленные к грубому труду, окажутся такими умельцами! Фигура снеговика вышла на удивление ладной. А вместо носа красовалась сочная оранжевая морковка. Надо же, в самый разгар зимы раздобыли столь свежий овощ!

Пока Линь Лан увлечённо рассматривал творение рук человеческих, со спины к нему бесшумно подобрался Хэ Цинъянь.

— Ну как, нравится? — ледяным тоном осведомился он.

Не успел Линь Лан обернуться, как за шиворот ему скользнул приличный ком холодного колючего снега. Юноша взвизгнул и подскочил на месте, словно ужаленный. Прежде чем остальные успели сообразить, в чём дело, несчастный уже выделял дикие пируэты, отчаянно тряс воротником и прыгая на одной ноге.

— Цинъянь, побойся неба! Чем я тебе не угодил?! — взмолился Линь Лан, обиженно надув губы. К счастью, снега за шиворот попало немного, и он успел вытряхнуть его, пока тот не растаял.

Остальные покатывались со смеху, наконец поняв суть немой сцены. Тринадцатый принц Ту Син сквозь хохот пробасил:

— А-Лан, так тебе и надо! Сам затащил Цинъяня снеговика лепить, а сам потихоньку удрал! Вот и пожинай плоды своего коварства!

— Да ладно тебе! Неужели ты в самом деле из-за такой мелочи решил меня заморозить? — жалобно простонал Линь Лан.

Хэ Цинъянь лишь молча и многозначительно кивнул.

Линь Лан лишился дара речи.

Вообще-то он терпеть не мог оставаться в долгу, но, прикинув в уме разницу в их физической подготовке и боевых навыках, решил последовать мудрости древних наставников: благородный

муж мстит, и через три года не поздно.

Подурачившись ещё немного, Линь Лан спохватился, что время поджидает:

— Ну, господа, мне пора честь знать. Нужно ещё заехать в поместье Жунго за сестрицей Линь. Пожалуй, откланяюсь. Когда в следующий раз соберёмся?

— В следующий раз — только в новом году, — усмехнулся Ту Ли. — Впрочем, увидимся мы уже завтра.

Линь Лан, который за дни весёлых праздников совершенно разомлел и позабыл обо всех заботах, на мгновение застыл. Осознание того, что беззаботные деньки кончились и завтра открываются двери Императорского кабинета, тяжким грузом легло ему на плечи.

— Ох, и то правда... До завтра.

Ван Шанпинь, глядя на его постную мину, прыснул:

— Всё так же питаешь нежные чувства к наукам?

— А как же! — патетически воскликнул Линь Лан, прижав руку к сердцу. — Моя единственная мечта — поскорее вырваться из этой пучины страданий!

— Боюсь, твоему желанию сбыться не суждено, — ядовито ухмыльнулся Ту Син. — Пока тебя не было, я подслушал разговор Учителя Лина с другими преподавателями. Они твёрдо вознамерились выучить тебя так, чтобы ты непременно взял степень первого медалиста на столичных экзаменах. Иначе, говорят, век воли не видать!

Линь Лан в ужасе замер:

— Они это серьёзно?!

— Серьёзнее некуда! — подтвердил Тринадцатый принц.

Юноша театрально приложил ладонь ко лбу:

— Ох... Кажется, у меня лихорадка начинается. В глазах темнеет. Боюсь, завтра я буду смертельно болен и не смогу явиться на занятия. Друзья, передайте учителям, что я при смерти.

— Передадим, отчего же не передать, — так и расплылся в улыбке Ту Ли. — Только будь

уверен: после этого Учитель Лин самолично явится к тебе в усадьбу с лекарями и розгами.

— Какая жестокость... Мой мир рухнул. Всё, ухожу в монастырь.

С этими словами он картинно поднялся со скамьи.

Солнце уже клонилось к закату, так что вся честная компания решила потихоньку собираться в обратный путь. Дорогу до города они провели в весёлых препирательствах: приятели безжалостно поддразнивали Линь Лана, который, несмотря на всю свою скорбь по поводу грядущей учёбы, не забыл бережно прихватить с собой вырезанного из снега зайца. Стоило им миновать ворота внутренней городской стены, как пути их разошлись. Он направил свой экипаж напрямик к поместью Жунго, решив отказаться от дальнейших столичных безумств ради покоя сестры.

Прибыв в обитель дома Цзя, Линь Лан рассудил, что в его возрасте негоже без веской причины заявляться на женскую половину дома. Он попросил слуг доложить о своём приезде, а сам расположился в гостевой палате на внешнем дворе. Ожидание грозило затянуться, но не успел юноша заскучать, как на пороге внезапно появился сам Цзя Чжэн. Для этого высокомерного господина, привыкшего благосклонно принимать поклоны младших у себя в кабинете, подобный шаг был верхом странности.

"Тут явно что-то нечисто"

Впрочем, на лице его не отразилось ни тени сомнения. С вежливой улыбкой он поднялся навстречу:

— Приветствую вас, дядя по матери!

Цзя Чжэн торопливо шагнул вперёд и придержал юношу за локоть, не дав тому склониться в глубоком поклоне:

— Ну что ты, дорогой племянник, оставь церемонии! Позволь узнать, где же ты пропадал весь день?

От этого елейного «дорогого племянника» у Линь Лана по спине побежали мурашки. Неужели перед ним благочестивый второй дядя по матери? Его точно не подменили старшим братом, любителем весёлых проказ? Скрывая недоумение, юноша уклонился от прямого ответа:

— Навещал приятелей, мы ездили за город полюбоваться цветущей сливой. А в чём, собственно, дело?

Цзя Чжэн напустил на себя важный вид и степенно произнёс:

— Дело государственной важности, мой мальчик! Сегодня сам Государь соизволил ниспослать тебе высочайшие дары. Евнух Дай лично доставил их в поместье, а тебя и след простыл! Твой почтенный отец с ног сбился, разыскивая тебя по всей столице. В итоге, не дождавшись твоего возвращения, Евнух Дай передал награду твоему родителю. На будущее запомни: уезжаешь — всегда оставляй весточку, где тебя искать. Сегодня Его Величество проявил милость и не взыскал за непочтительность, но испытывать судьбу впредь не стоит.

Линь Лан мысленно усмехнулся. Вот, значит, откуда дует ветер! Понятно теперь, с чего вдруг дядя по матери вспылал к нему такой родственной нежностью. В душе юноша почувствовал лишь лёгкое презрение. Все старшие, с которыми ему доводилось иметь дело в последнее время, были людьми чести — прямыми, гордыми и самодостаточными. Даже те, кто искал его дружбы ради выгоды, держались с достоинством. Цзя Чжэн же ухитрялся совмещать угодничество перед императорским фаворитом со спесивым тоном строгого наставника, что выглядело на редкость жалко.

Однако Линь Лан послушно кивал, не выказывая истинных чувств. К счастью, их беседу прервал вошедший слуга, сообщивший, что Матриарх желает видеть молодого господина на женской половине. Цзя Чжэну пришлось отпустить племянника, напоследок наставительно велев тому прилежно учиться во славу престола. Юноша вежливо откланялся и последовал за слугой во внутренние покои.

Хотя Линь Лан строго соблюдал правила приличия, предписывающие разделение мужчин и женщин, визит к престарелой родственнице в окружении толпы служанок не сулил никаких нарушений этикета. К тому же отказать Старой госпоже было бы верхом непочтительности.

Ожидания его оправдались в полной мере: в главном зале собралось всё семейство. Едва завидев вошедшего, Матриарх просияла и всплеснула руками:

— Ох, дитя моё! Я ведь с самого начала говорила, что тебе суждена великая судьба, и вот — предзнаменование сбылось!

Линь Лан сразу понял, что речь идёт о царских дарах. Эта суэта вокруг его персоны уже начинала изрядно утомлять, но на лице его сохранилось выражение безмятежной скромности.

— Бабушка преувеличивает, — мягко улыбнулся он. — Государь лишь проявил милость к недорослю и пожаловал мне несколько забавных безделушек.

Юноша действительно ещё не знал всех подробностей: он ведь не заезжал домой и полагал, что речь идёт о каком-нибудь дежурном поощрении, не подозревая, что размах императорской щедрости в этот раз превзошёл все мыслимые границы и заставил завистников кусать локти.

Старая госпожа, списав его слова на неведение, тем не менее заметила, что внук был раздосадован, и поспешила сменить тему, ласково пожурив его:

— В прошлый свой приезд ты даже не заглянул к этой старой развалине! Уж сегодня я тебя ни за что не отпущу, оставайся у нас!

— Для меня было бы великим счастьем гостить у вас, — почтительно отозвался Линь Лан. — Но увы, завтра на рассвете открываются занятия в Императорском кабинете, и мне никак нельзя опаздывать. Позвольте мне забрать Юй-эр, и мы отправимся восвояси.

В это время в прилегающей галерее резвилась молодёжь во главе с Цзя Баоюем. Молодой господин давно прослышал о блестящих талантах и тонком вкусе своего кузена и всей душой желал сблизиться с ним. Но стоило Линь Лану обосноваться в столице, как его тут же запрягли за учёбу в Академии Ханьлинь и Императорском кабинете. Всякий раз, когда Баоюй пытался навестить кузена, тот оказывался завален книгами и твердил лишь о государственной службе да экзаменах. Разочарованный Баоюй быстро причислил кузена к разряду неотёсанных карьеристов, коих презирал всем сердцем, и выкинул его из головы.

Однако сегодняшние слухи всколыхнули угасающий интерес. Челядь вовсю шепталась, что вчера на дворцовом приёме Линь Лан снискал невероятное расположение самого Императора, который посреди пиршества увёл юношу с собой, чтобы вместе инкогнито прогуляться по праздничным улицам. А сегодня — этот невиданный указ о награждении! Баоюй вспомнил, сколь тонки и изящны манеры кузена, и в его душе вновь вспыхнуло желание подружиться. Он принялся настойчиво упраскивать Матриарха оставить Линь Лана в поместье хотя бы на пару дней. Старая госпожа и сама была бы рада такому исходу, но понимала, что шансов мало: Линь Жухай теперь служил в столице, и с какой стати его законному наследнику жить в чужом доме?

Тем не менее попытаться стоило. Матриарх скорбно вздохнула, утирая несуществующую слезу:

— Покойная ваша матушка была моей самой любимой дочерью. Теперь, когда её нет с нами, вся моя любовь принадлежит вам, сироткам... А вы и носа ко мне не кажете!

Линь Дайюй, услышав упрёки бабушки, как раз входила в залу. Она едва заметно нахмурилась, но тут же мягко шагнула вперёд и ласково обняла старушку:

— Ну что вы, старая госпожа, грех жаловаться на брата. Он ведь уже совсем взрослый, как ему прилично среди женских покоев отираться? Узнай об этом батюшка — он бы ему не раздумывая ноги переломал за неуважение к приличиям!

Линь Лан мысленно поаплодировал сестре. Какая умница! Дайюй изящно обошла опасную тему нежелания брата навещать родню, сославшись на строгие правила этикета для возмужавших юношей. Против такого довода не попрёшь — даже сама Матриарх не могла упрекнуть его в сыновней непочтительности, ведь её собственные взрослые сыновья не жаловали её покои ежедневными визитами.

Матриарх предпочла сделать вид, что не заметила маневра, и, покрепче сжав тонкие пальцы внучки, ласково заглянула ей в глаза:

— Пусть так. Но тебя-то, моя егоза, я сегодня точно никуда не отпущу!

Будь Дайюй прежней — доверчивой и наивной, — она бы с радостью согласилась. Но за время пребывания в столице девочка успела многому научиться и на многое открыть глаза. Она прекрасно понимала скрытые пружины, двигавшие её родственниками. Оставь они её в доме Цзя — и отец с братом, связанные заботой о ней, волей-неволей станут поддерживать это угасающее семейство. В детстве она не понимала этих тонкостей, но теперь видела всё со всей отчётливостью.

"Даже если я не могу стать опорой отцу и брату, я ни за что не стану для них обузой!"

Ещё в Гусу Линь Лан не утаивал от сестры семейных забот. Дайюй знала, по какому тонкому льду приходится ступать её близким — один неверный шаг, и всей их семье грозит гибель. И где же был благородный дом Цзя, когда над ними сгущались тучи? Впрочем, она не держала на них зла: если уж супруги разбегаются в годину бедствий, то глупо требовать верности от дальней родни. Но прежней слепой привязанности больше не было места в её сердце.

Дайюй лишь мягко, но решительно улыбнулась:

— Бабушка, мы ведь только-только перебрались в столицу, хозяйство ещё толком не налажено. В усадьбе царит такой кавардак, а мужчины — и батюшка, и брат — совершенно не смыслят в домашних хлопотах. Если я не вернусь и не возьму всё в свои руки, они там совсем пропадут!

Матриарх с удивлением и тайным удовлетворением отметила перемену в характере внучки. Прежняя Дайюй, витавшая в облаках и чуждавшаяся земных забот, вряд ли смогла бы когда-нибудь железной рукой управлять делами столь огромного клана, как дом Цзя. А нынешняя её рассудительность и практичность пришлись как нельзя кстати! В конце концов, породниться с процветающим домом Линь было куда выгоднее, чем связываться с разорившимися Сюэ.

Поэтому старушка благосклонно кивнула:

— Ну хорошо, ступай. Но помни: как только выдастся свободная минутка — бегом к своей старухе-бабушке!

Баоюй, успевший протиснуться в комнату вслед за кузиной, при этих словах порывисто шагнул вперёд, желая воспрепятствовать её отъезду. Однако верная служанка Сижэнь вовремя придержала его за рукав, предостерегающе покачав головой. За эту мимолётную заминку решение уже было принято окончательно. Баоюй мысленно махнул рукой: «В конце концов, уедет ненадолго, всё равно ведь вернётся!» Да и в самом поместье оставалось немало прелестных кузин и служанок, готовых скрасить его досуг играми и весёлой болтовнёй.